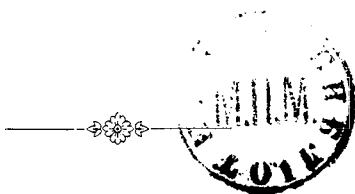

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II

1796 — 1896

МОСКВА, 1896

Т-ВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.

Источниками служили: *Соловьевъ*. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ
временъ *Незлинковъ*. Литературныя направленія въ Екатерининскую
эпоху. *Аванасьевъ*. Русскіе сатирическіе журналы. *Сборникъ Импе-
раторскаго Историческаго Общества*. *Русская Старина*. *Русскій Ар-
хивъ*. *Архивъ кн. Воронцова* и мн. др.

2004 127541

Дозволено цензурою, Москва, 30 октября 1896 г.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

1796—1896

I

Сто лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ сошла въ могилу царственная представительница „вѣка просвѣщенія“ у насъ и на западѣ Европы.

Принцесса Ангальтъ-Цербтская Софія Фредерика Августа, дочь штетинскаго губернатора, принявшая на 16-мъ году жизни, вмѣстѣ съ православіемъ, имя Екатерины, стала 25 авг. 1745 г. супругой наследника русскаго престола, племянника императрицы Елизаветы, Голштинскаго герцога Петра Федоровича, который былъ только годомъ старше молодой жены.

Свое дѣтство и юность будущая императрица провела въ родномъ домѣ, въ скромныхъ комнатахъ наверху, подлѣ колокольни. „Тамъ учила меня мамзель Кардель и дѣлалъ мнѣ испытанія (Prüfungen) г. Вагнеръ“ — вспоминала впоследствии сама Императрица: „Черезъ весь флигель,

Принцъ Христіанъ Августъ Ангальтъ-Цербтскій.

по два или по три раза въ день, я ходила, подпрыгивая, къ матушкѣ, жившей на другомъ концѣ. Мамзель Кардель была хорошо знакома съ лите-

Принцесса Иоганна Елизавета Ангальтъ-Цербтская.

ратурой и, кромѣ разныхъ наукъ, знала, какъ свои пять пальцевъ, всякія комедіи и трагедіи, знала почти все, ничему не учившись, почти такъ

же, какъ ея воспитанница“. Но г. Вагнера называла Екатерина глухимъ и скучнымъ педантомъ. Зато многоимъ считала она себя обязанной графу Гилленборгу, съ которымъ встрѣчалась во время поѣздокъ своихъ въ Гамбургъ: „Это былъ человѣкъ очень умный, уже не молодой, и очень уважаемый моею матушкой. Во мнѣ онъ оставилъ признательное воспоминаніе; видя, что матушка мало или почти вовсе не занималась мною, онъ говорилъ ей, что она напрасно не обращаетъ на меня вниманія, что я—дитя выше моихъ лѣтъ и что у меня философское расположеніе ума“.

Жизнь въ родномъ домѣ рано научила Екатерину покорности, терпѣнію, искусству найтись и выполнить, что отъ нея требовали: „Самымъ униженнымъ положеніемъ мнѣ всегда казалось быть обманутой; бывъ ребенкомъ, я горько плакала, когда меня обманывали, а между тѣмъ я поспѣшно исполняла все, что отъ меня ни требовали, и даже не нравившееся мнѣ, когда мнѣ объясняли причины“.

Эта черта характера должна была проявиться и развиться съ наибольшей силой въ Екатеринѣ въ теченіе 18 лѣтъ замужества.

Почти еще дѣвочкой, отъ крошечнаго нѣмецкаго двора, сразу попала она въ шумный круговоротъ русской столицы, гдѣ ближайшій покровитель и отчасти даже „свать“ Екатерины, прусскій король Фридрихъ II, имѣлъ больше враговъ, чѣмъ друзей.

Положеніе Великой Княгини было тѣмъ труднѣе, что мало радости нашла она въ домашней семейной жизни. А между тѣмъ молодая Цеса-

Великій Князь Петръ Федоровичъ.

ревна возбуждала къ себѣ общее сочувствіе не только этими невзгодами, но замѣчательной красотой, рѣдкой обходительностью и тонкимъ умомъ. Твердо рѣшивъ не вмѣшиваться въ дѣла русской

политики, Екатерина отдалась исключительно своимъ литературнымъ и философскимъ наклонностямъ.

II

Руководителемъ европейской мысли того времени былъ Вольтеръ. Его именно Екатерина считала своимъ главнымъ учителемъ: только по слогу любого сочиненія бралась она опредѣлить, принадлежитъ оно Вольтеру или нѣтъ. „Могу васъ увѣрить,—говорится въ одномъ изъ ея писемъ,— что съ 1746 года, когда я стала располагать своимъ временемъ, я чрезвычайно многимъ вамъ обязана. До того я читала одни романы, но случайно мнѣ попались ваши сочиненія; съ тѣхъ поръ я не переставала ихъ читать и не хотѣла никакихъ книгъ, написанныхъ не такъ хорошо и изъ которыхъ нельзя извлечь столько же пользы. Конечно, если у меня есть какія-нибудь свѣдѣнiя, то ими я обязана вамъ“. Внимательно изучала она исторiю и географiю, но всего больше—философiю. Даже древнiе авторы: Платонъ, Цицеронъ и Тацитъ, конечно, во французскихъ или нѣмецкихъ переводахъ, входили въ программу самообразованiя будущей Государыни-писательницы. Книгу Монтескье *Духъ законовъ* она сама называла „молитвенникомъ государей“ и воспользовалась ею впоследствии для многихъ страницъ своего *Наказа*.

Эта наклонность Екатерины къ серьезному научно-литературному чтенiю вполне согласовалась съ ея глубокимъ интересомъ къ Россiи. Еще при-

Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна въ 1761 г.

готовляясь къ принятію православія, она старалась по возможности скоро выучиться русскому языку и даже вставала по ночамъ, чтобы затверживать наизусть тетради, которыя давалъ ей учитель: ея литературные труды ясно показываютъ, какъ быстро и въ какомъ совершенствѣ овладѣла она русской рѣчью. Смутно сознавая, что рано или поздно ей суждено носить корону Русской Имперіи, Екатерина прежде всего желала быть

на самомъ дѣлѣ русской, жить горемъ и радостью новаго отечества. „По прїѣздѣ своемъ въ Петербургъ, я обращалась со всѣми какъ можно лучше и старалась пріобрѣсти дружбу или, по крайней мѣрѣ, смягчить непрїязнь тѣхъ людей, которыхъ я могла подозрѣвать въ неблагопрїятномъ къ себѣ расположеніи. Я не хотѣла держаться никакой партіи, ни во что не вмѣшивалась, всегда показывала веселый видъ, была предупредительна, внимательна и вѣжлива со всѣми. Я была отъ природы веселаго нрава и съ удовольствіемъ замѣчала, что съ каждымъ днемъ росло ко мнѣ расположеніе публики, которая смотрѣла на меня, какъ на замѣчательнаго и умнаго ребенка. Я показывала великую почтительность къ матушкѣ, безпредѣльное послушаніе Императрицѣ, отличную внимательность Великому Князю и, однимъ словомъ, всѣми средствами старалась снискать любовь публики“. Такъ описывала Екатерина первое время своей жизни въ Петербургѣ. Почти такъ провела она и дальнѣйшіе годы своего замужества. „Какъ только она прїѣхала сюда,—писалъ въ 1755 г. англійскій посоль,—то начала стараться всѣми средствами пріобрѣсти любовь русскихъ. Она очень прилежно училась ихъ языку и теперь, по отзывамъ самихъ же русскихъ, говоритъ на немъ въ совершенствѣ. Она достигла своей цѣли и пользуется здѣсь большою любовью и уваженіемъ. Она обладаетъ большими свѣдѣніями о русскомъ государствѣ, которое составляетъ для нея предметъ самаго ревностнаго изученія. Канцлеръ говорилъ мнѣ, что ни у кого нѣтъ столько твердости и рѣшительности“.

Канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ.

Любопытны замѣтки, сохранившіяся въ памятныхъ книжкахъ Великой Княгини: ее интересуется значеніе дворянства въ обществѣ, развитіе большой смертности въ Россіи, женское образованіе, русское судопроизводство, соединеніе Каспійскаго моря съ Чернымъ и проч., и проч.

Обладая живымъ и подвижнымъ характеромъ, Великая Княгиня не зарывалась въ однѣ только книги: у нея также были свои причуды и забавы, встрѣтившія въ русскомъ обществѣ самое полное сочувствіе. Вотъ какъ, по собственнымъ запискамъ Екатерины, шла ея жизнь въ Ораніенбаумѣ: „По утру я вставала въ три часа и безъ прислуги съ ногъ до головы одѣвалась въ мужское платье. Мой старый егеръ дожидался меня, чтобы идти на

морской берегъ, къ рыбацкѣй лодкѣ. Пѣшкомъ, съ ружьемъ на плечѣ, мы пробирались садомъ и, взявъ съ собою лягавую собаку, сѣдѣли въ лодку, которой правилъ рыбакъ. Я стрѣляла утокъ въ тростникъ на берегу моря, по обѣимъ сторонамъ тамошняго канала, который на двѣ версты уходитъ въ море. Часто мы огибали каналъ, и иногда сильный вѣтеръ уносилъ нашу лодку въ море... Лѣтомъ (1767 г.) я вставала въ 6 ч. утра, одѣвалась по-мужски и шла въ свой садъ: тамъ у меня было устроено особое мѣсто, служившее мнѣ манежемъ. Успѣхи мои были такъ быстры, что Циммерманъ (учитель верховой ѣзды), по правиламъ манежа, подарилъ мнѣ серебряныя шпоры. Въ три педѣли я прошла весь курсъ, и къ осени Циммерманъ привелъ лошадь для вольтижированія... Случалось иногда до тринадцати разъ въ день садиться на лошадь. Сказать по правдѣ, я была равнодушна къ охотѣ, но страстно любила верховую ѣзду, и чѣмъ больше было въ ней опасности, тѣмъ она была милѣе мнѣ: если случалось, что лошадь убѣгала, я бросалась за ней и приводила ее назадъ. Въ это время (1750 г.) также у меня въ карманѣ постоянно была книга, которую я принималась читать, какъ скоро была одна“...

Знала ли тогда Екатерина, что тѣ же развлечения, охота и верховая ѣзда, увлекали знаменитую королеву Англiи—Елизавету? Каждая изъ нихъ была „гордостью“ своего вѣка, и обѣ онѣ провели во многомъ сходную жизнь: то же увлеченiе наукой, тотъ же трудный путь къ власти, та же слава продолжительнаго царствованiя, полнаго успѣховъ въ дѣлахъ виѣшной и внутренней политики, насколько

они зависѣли и могутъ зависѣть отъ личной и сильной воли.

Кратковременное царствованіе Императора Петра III (1761—1762) высоко подняло Екатерину въ глазахъ народа и войска. Еще въ первые дни по смерти Императрицы Елизаветы французскій посланникъ Бретейль замѣтилъ, что „всеобщее расположеніе къ Императрицѣ усиливается. Никто столь ревностно, какъ она, не исполняетъ религіозныхъ обязанностей по случаю погребенія покойной Государыни; никто столь добросовѣстно, какъ она, не соблюдаетъ постовъ и вообще обрядовъ, между тѣмъ какъ Императоръ пренебрегаетъ всѣмъ этимъ, хотя въ Россіи такого рода правила имѣютъ большое значеніе. Она отличается смѣлостью души и ума, пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Народъ желаетъ ей всего лучшаго“.

III

По вступленіи на престолъ, Государынѣ предстояла трудная задача править обществомъ, которое еще такъ недавно стало на путь новаго развитія: надо было привести въ порядокъ управленіе, судъ, народное хозяйство, вообще докончить дѣло, начатое Петромъ В. и мало подвинутое впередъ его ближайшими преемниками. Возрастающее значеніе высшаго правительственнаго класса, усиленное развитіе крѣпостного права, низкій уровень народнаго просвѣщенія—всѣ эти и подобные имъ вопросы внутренней политики осложнялись отно-

Императрица Елизавета Петровна.

шеніями къ внѣшнимъ врагамъ и друзьямъ Россіи, борьбой придворныхъ партій, тяготѣвшихъ къ Франціи, Англіи, Германіи, наконецъ, тревогами и волненіями народа.

Сосредоточенная работа мысли и воли въ теченіе 18 лѣтъ со дня пріѣзда въ Россію до вступленія на царство, вмѣстѣ съ природными свойствами ума и характера, помогли Екатеринѣ взяться твердой рукой за дѣла правленія.

Среди придворной, военной и чиновной знати того времени, среди представителей русскаго духовенства, дѣятелей на пользу просвѣщенія, писателей, ученыхъ, художниковъ, можно указать не одинъ десятокъ лицъ съ рѣдкими, выдающимися талантами и стойкими убѣжденіями; уже одно умѣнье найти и призвать ихъ къ дѣятельности обезпечивало Императрицѣ успѣхъ въ любомъ дѣлѣ, а этимъ умѣньемъ она едва ли не превосходила всѣхъ своихъ современниковъ.

Будучи Великой Княгиней, Екатерина могла вставать съ солнышкомъ для охоты и верховой ѣзды; сдѣлавшись Самодержавной Царицей, она воспользовалась привычкой мало спать, много двигаться и вести здоровую жизнь для неутомимой работы. Она лично принимала просителей; собственноручно писала манифесты, указы, инструкціи; присутствовала въ засѣданіяхъ и совѣтахъ, „на досугъ“ читала и вела свои замѣтки, сочиняла пьесы для театра и журнальныя статьи, занимаясь иногда по 15 ч. въ день. При легкомъ чтеніи она что-нибудь шила, точила, рисовала, а серьезныя книги научнаго и философскаго содержанія сопровождала выписками и замѣтками; не только ея библіотека—ея собственная голова была настоящей энциклопедіей; не довольствуясь чтеніемъ, она вела дѣятельную переписку съ учеными, преимущественно французскими филосо-

фами, а письма къ нимъ были чуть не цѣлыя сочиненія.

При всѣхъ своихъ правительственныхъ, ученыхъ и литературныхъ трудахъ, Екатерина хотѣла и умѣла пользоваться тѣми благами, какія выпали ей на долю. Пышныя торжества, балы, маскарады, прогулки и поѣздки дѣлали русскій дворъ самымъ блестящимъ въ Европѣ; и мало кто могъ превзойти Государыню въ забавахъ и шуткахъ, въ играхъ и танцахъ, въ живой остроумной бесѣдѣ.

IV

Дочь своего вѣка, Екатерина была яркой представительницей просвѣщеннаго абсолютизма. Въ ней нашли горячую поклонницу и щедрую покровительницу Вольтеръ, Дидро, д'Аламберъ, вся группа энциклопедистовъ; она выписывала къ себѣ ученыхъ и художниковъ; сама переводила или передѣлывала творенія своихъ „учителей“; отрывки и мысли изъ *Духа законовъ* Монтескье, изъ книги Беккариа *О преступленіяхъ и наказаніяхъ*, изъ *Энциклопедіи* Дидро появлялись даже въ оффиціальныхъ рѣчахъ, манифестахъ, указахъ.

Попытка съ высоты трона пересоздать общество въ духъ новыхъ идей посредствомъ мудрыхъ законовъ составляетъ главную черту государственной дѣятельности Фридриха II въ Пруссіи, Иосифа II въ Австріи, Екатерины II въ Россіи. Всѣ трое одинаково преклонялись передъ гениемъ Вольтера стремилась воспитать „новую породу“ людей, искоренить въ нихъ невѣжество, злобу и суевѣріе,

Денисъ Ивановичъ Фокъ-Визницъ.

внушить челоуѣколюбіе, вѣротерпимость, сознание долга и чувство справедливости; одинаково вѣрили, что этого можно достигнуть съ помощью просвѣщенія, законовъ, правилъ нравственности.

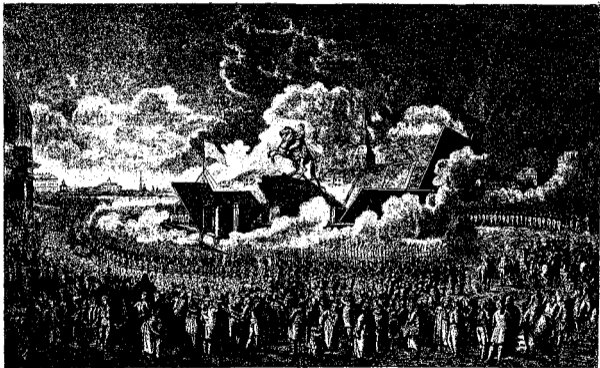
Главнымъ орудіемъ просвѣщенія являлась своеобразная „школа“—обличительная, сатирическая литература, комедія, басня, вообще остроумная насмѣшка надъ людскими пороками, заблужденіями и слабостями. Этимъ орудіемъ въ совершенствѣ владѣлъ законодатель тогдашней мысли, Воль-

теръ. Съ его легкой руки остроуміе стало модой, насмѣшка—признакомъ хорошаго тона, а живая и занимательная бесѣда на философскія темы — господствующимъ литературнымъ направлениемъ. Серьезный критическій анализъ, скрытый у самого Вольтера подъ легкой игривой формой, мало-помалу у „вольтерьянцевъ“ перешелъ въ легкомысленное вольнодумство и праздную игру словами. Свою проповѣдь челоуѣколюбія и вѣротерпимости Вольтеръ оправдалъ на дѣлѣ; а его „послѣдователи“ часто ограничивались только громкими фразами — такъ же рядились по модѣ въ красивыя мысли и чувства, какъ въ шитыя золотомъ камзолы и густо напудренные парики. Просвѣщенный и челоуѣколюбивый вольтерьянецъ, свободный не только отъ суевѣрія, но и отъ всякой религіи, жилъ сибаритомъ или меценатомъ на счетъ своихъ крѣпостныхъ, продавалъ ихъ оптомъ и въ розницу, сѣкъ за ничтожную провинность въ хозяйствѣ и въ то же время произносилъ трогательныя рѣчи о братствѣ людей, объ отвлеченныхъ предметахъ и возвышенныхъ чувствахъ.

Необходимо было не только распространить просвѣтительныя идеи, но и глубоко укоренить ихъ въ общественномъ сознаніи, чтобы онѣ могли принести плоды, какихъ ожидали отъ нихъ сами сѣятели.

V

Одна за другой разбивались свѣтлыя надежды Екатерины, выраженные ею, вскорѣ по вступле-

Открытие памятника Петру Великому въ 1782 г.

ни на престолъ, въ письмахъ къ иноземнымъ друзьямъ, въ устныхъ бесѣдахъ съ ближайшими сотрудниками, въ новыхъ законахъ, указахъ, въ научныхъ и литературныхъ трудахъ. За немногими исключеніями, даже видные представители тогдашняго просвѣщенія не хотѣли пойти дальше „общихъ мѣстъ“ и только объ одномъ старались—какъ бы къ изысканнымъ костюмамъ и маперамъ, усвоеннымъ въ прошлое царствованіе, приладить не менѣе изысканныя мысли и фразы повѣйшаго и—тоже французскаго образца. Въ рѣдкомъ изъ этихъ цивилизованныхъ варваровъ подъ покровомъ европейскаго лоска нельзя было разглядѣть слѣдовъ грубаго крѣпостничества. Вся ихъ жизнь и дѣятельность какъ бы раскололась на двое: одна сторона ея, свѣтская и показная, точно красивая декорація, прикрывала другую—личную и часто весьма неопрятную... Сама Императрица рѣзко и громко выражала негодованіе противъ кражи на службѣ, кривды въ судахъ и жестокаго насилія надъ крѣпостными людьми. А между тѣмъ *дѣла* шли старымъ порядкомъ и порождали *нравы*, которыхъ не могли измѣнить никакія *идеи*. Идеи вѣка были однѣ и тѣ же у насъ и заграницей; но тамъ онѣ имѣли практическую почву, были направлены противъ католической церкви и феодальнаго строя; а у насъ самое большее, что онѣ создали и могли создать въ положительномъ смыслѣ, это—новое литературное и научное движеніе. И дѣйствительно, во всѣхъ областяхъ знакія и поэтическаго творчества явились произведенія, которыя охотно читаются и въ наши дни. Имена Державина, Фонъ-Визина, Новикова, Бецкаго, Бол-

Гавріиль Романовичъ Державинъ.

тина, Эйлера и многихъ другихъ выдающихся писателей, ученыхъ, путешественниковъ, художниковъ, представляютъ достаточное доказательство той пользы, какую принесло Россіи увлеченіе западной, преимущественно французской литера-

Николай Иванович Новиковъ.

турой и философией. Однако, много значить, что за тѣсною группою новыхъ дѣятелей, раздѣлявшихъ взгляды и труды Екатерины, дѣятелей гуманныхъ, просвѣщенныхъ и энергичныхъ, стояло то самое общество, которое предполагалось перевос-

питать или, по крайней мѣрѣ, освѣжить притокомъ просвѣтительныхъ идей. Въмѣсто того, чтобы стать предметомъ похвалы и удивленія, это общество вызвало только градъ насмѣшекъ въ современной и повѣйшей сатирѣ.

„Новоманерные“ люди второй половины XVIII в. одѣвались по послѣдней парижской модѣ, изъяснялись на „божественномъ“ французскомъ языкѣ, зачитывались сочиненіями энциклопедистовъ, открывали „вольныя“ типографіи и паводняли книжный рынокъ переводами, подражаніями и оригинальными „пьесами“ въ стихахъ и прозѣ. Но всѣ эти мнимые вольнодумцы и литераторы мало въ чемъ опередили старое поколѣніе елизаветинскихъ „петиметровъ“.

Вотъ какъ Новиковъ изображаетъ въ своемъ *Живописцѣ* великосвѣтскаго юношу: „онъ танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ какъ ангелъ, принялъ уже нѣсколько уроковъ отъ французскаго шпагобойца, играетъ во всѣ карточные игры, а притомъ разумѣетъ по французски“. Одного только нѣтъ въ этомъ щеголѣ — живого интереса къ дѣлу и знанію. „Что въ наукахъ?“ — разсуждаетъ онъ брезгливо и самоувѣренно: „Астрономія умпожнтъ-ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ? — Нѣтъ: па что же она мнѣ?... Математика прибавитъ ли моихъ доходовъ? — Нѣтъ: чортъ ли въ ней?... Физика изобрѣтетъ ли новыя танцства въ природѣ, служащія къ моему украшенію? — Нѣтъ: куда она годится?... Исторія покажетъ ли мнѣ человѣка, который бы былъ прекраснѣе меня? — Нѣтъ: какая же въ ней нужда?... Географія сдѣлаетъ ли меня любезнѣе? — Нѣтъ: такъ она и недо-

Иванъ Ивановичъ Бецкій.

стойна моего вниманія... Лишь стихотворство готовъ онъ признать наукой: ему хотѣлось бы сочинить легкую „пѣсенку“ въ модномъ вкусѣ. Да на бѣду свою, онъ не знаетъ русскаго языка и, подобно покойному батюшкѣ, съ презрѣніемъ относится къ родной странѣ, негодуя на то, что „ро-

дился въ Россіи, гдѣ человѣкъ его достоинствъ не можетъ найти счастья“.

Любопытно въ юномъ вертопрахѣ это гордое сознаніе мнимаго достоинства: онъ и въ зрѣломъ возрастѣ, на службѣ и въ обществѣ, сохранить увѣренность, что онъ все знаетъ и все можетъ, кромѣ одного — жить и дѣйствовать въ русской глуши. Одинъ изъ французскихъ дипломатовъ былъ удивленъ не на шутку свѣдѣніями какого-то русскаго графа о парижскихъ улицахъ, театрахъ и гостиницахъ; но его удивленію не было границъ, когда графъ признался, что знаетъ Парижъ только по книгамъ. Спрашивается, чего же искалъ въ нихъ этотъ знатокъ и поклонникъ европейской литературы?... „Петръ I,—говоритъ одинъ изъ русскихъ галломановъ въ журналъ Новикова *Космолекъ*:—не съ той стороны принялся за просвѣщеніе нравовъ, ибо нѣмцы, голландцы и англичане никогда бы нравовъ нашихъ не просвѣтили. Одно только обхожденіе съ французами и путешествіе въ Парижъ могло хотъ нѣкоторую часть россиянъ просвѣтитъ. Безъ французовъ развѣ могли бы мы назваться людьми? Умѣли ли мы прежде порядочно одѣться и знали-ли всѣ правила нѣжнаго, учтиваго и пріятнаго обхожденія, тонкими вкусами утвержденныя? Безъ французовъ не знали бы мы, что такое танцованіе, какъ войти, поклониться, попрыскаться духами, взять шляпу“. Стоило лишь побывать въ Парижѣ, и „ничему серьезно не учась, русскій пріѣзжалъ оттуда ученымъ человекомъ: онъ могъ смѣло критиковать дѣла военныя, гражданскія, политическія“.

Критицизмъ, эта глубокая и серьезная черта

Зимній возокъ.

французской литературы XVIII в., у русскаго модника переходилъ въ глумленіе надъ родиной, которой онъ не зналъ и знать не хотѣлъ. Это глумленіе соединялось съ другимъ нравственнымъ недугомъ людей, свободныхъ отъ обязательной службы государству и матеріально обезпеченныхъ крѣпостнымъ трудомъ. Надо было чѣмъ-нибудь заполнить избытокъ досуга; отсюда развилась жажда развлеченій, интересъ къ внѣшней обстановкѣ, страсть къ нарядамъ и пиршествамъ.

Французскій посланникъ Сегюръ такъ описываетъ балъ и ужинъ въ подмосковной деревнѣ гр. Шереметева: „Я никогда еще не видывалъ такого множества золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, столько фарфора, мрамора и порфира. Весь хрусталь на столѣ на сто приборовъ былъ осыпанъ

дорогими каменьями всѣхъ цвѣтовъ и родовъ и самой высокой цѣны“. Сегюръ удивлялся роскошной жизни русскаго дворянства въ столицахъ и провинціи. Въ богатомъ домѣ полагался цѣлый штатъ прислуги, въ составъ которой входили лакеи, пажы, арапы, гусары, казаки, скороходы, картики, домашніе доктора, крѣпостные артисты, художники, стихотворцы, музыканты; необходимо было держать десятки лошадей на колюшнѣ, если въ карету запрягали сразу не меньше четырехъ или шести; громадные сундуки и шкапы были переполнены платьемъ; не говоря ужъ о дамахъ, мужчины тратили на свой гардеробъ сотни тысячъ рублей, имѣли десятки бархатныхъ и шелковыхъ камзоловъ съ золотымъ шитьемъ, тонкими кружевами и драгоценными каменьями, дюжины башмаковъ съ золотыми и брилліантовыми пряжками, парики, перетни, трости—однимъ словомъ, выступали соперниками первостепенныхъ щеголихъ.

Дамская страсть къ нарядамъ давала тогдашней сатиру неистощимый запасъ темъ для насмѣшекъ. Особенной вычурностью отличались головные женскіе уборы, нѣсколько преувеличенные на рисункахъ сатирическихъ журналовъ, но и въ дѣйствительности близкіе къ карикатурѣ. „Искусство нравиться—вотъ вся наша наука“, говоритъ щеголиха того времени; для этого „искусства“ прежде всего быть необходимымъ изящный и роскошный туалетъ. Въ журналѣ Новикова щеголиха издѣвается надъ учеными женщинами, но, согласно съ модой, нельзя было пренебрегать иностранными языками, литературой и даже философійей: вѣдь княгиня Е. Р.

Щеголиха на гуляньѣ.

Дашкова была Президентомъ Академіи Наукъ и сама Императрица вела переписку съ Вольтеромъ! Надо было слѣдовать столь высокимъ образцамъ, хотя бы для бесѣды съ кавалеромъ, тонко знав-

шимъ всё закоулки Парижа по одиѣмъ только книгамъ. Высокій примѣръ Императрицы увлекалъ даже вельможъ, вполне равнодушныхъ къ печатному листу, и ставилъ ихъ нерѣдко въ комическое положеніе: какъ-то къ книгопродавцу обратился знатный баринъ и заказалъ ему цѣлую библиотеку. „Но изъ какихъ же книгъ?“—справился книгопродавецъ.—„*Mais vous savez cela mieux que moi; c'est votre affaire. Des gros livres en bas, des petits en haut, tout à fait comme ils sont chez l'Imperatrice!*“

Притомъ, кромѣ такихъ „ходячихъ анекдотовъ“, вызывавшихъ колкія насмѣшки въ кабинетѣ Императрицы или въ гостиной „Малаго Эрмитажа“, гдѣ собиралось истинно просвѣщенное общество, попадались типы и прямо противоположнаго характера, близкіе къ г-жѣ Простаковой или къ г-жѣ Ханжикхиной. Вотъ какъ изображаетъ эту послѣднюю ея служанка въ пьесѣ самой Екатерины, *О время!*—„Она встаетъ по утру въ 6 ч., и, слѣдуя похвальному древнему обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ передъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ, потомъ чешетъ свою кошку и поетъ стихъ: „блаженъ, кто и скоты милуетъ!“ а при семъ ибѣн и насъ также миловать изволить: иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранить дворецкаго, то шепчетъ молитвы, то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей пороть батожемъ“....

Вопроса объ истязаніи крѣпостныхъ помѣщиками Екатерина касается и въ своемъ *Наказѣ*.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.

Такъ (въ 256 ст.) она замѣчаетъ: „Петръ В. узаконилъ въ 1722 г., чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащiе были подъ смотрѣнiемъ опекуновъ. По 1 ст. сего указа чинится исполненiе, а послѣдняя для чего безъ дѣйствiя осталась —

неизвѣстно!“ Въ первоначальномъ текстѣ *Наказа* Императрица выражала желаніе установить срокъ рабства и сумму выкупа крестьянъ отъ помѣщика. Но приближенные лица, которымъ она дала свою работу для предварительной критики, не одобрили ея намѣренія. Они раздѣляли „общіе взгляды“ Государыни, но не находили возможнымъ осуществленіе ихъ на практикѣ. — Не нашелъ возможнымъ произвести подобную реформу и Фридрихъ II въ Пруссіи.

Какъ ни велико было значеніе просвѣтительной литературы у насъ и на западѣ, но въ ней, какъ и въ ея главныхъ представителяхъ, были предразсудки, похожіе на тѣ, съ какими она боролась. Въ сознаніи своего превосходства надъ грубой и невѣжественной толпой, при полномъ отрицаніи вѣками сложившихся обычаевъ и правилъ, послѣдователи и современники Вольтера на первый планъ выдвигали отдѣльную личность, сильную своимъ умственнымъ развитіемъ, и давали полный просторъ ея эгоистическимъ наклонностямъ. „Народъ—это быки, которымъ нужно ярмо, погонщикъ и кормъ“,—говорится въ одномъ письмѣ Вольтера.

VI

Таковы были условія, въ которыхъ приходилось жить и дѣйствовать Екатеринѣ въ теченіе 34-хъ-лѣтняго царствованія. Сдерживая борьбу общественныхъ классовъ внутри государства, направляя внѣшнюю политику къ расширенію русскихъ границъ на югъ и западъ, создавая новыя правительственныя и судебныя учрежденія, наконецъ, от-

Императрица Екатерина II.

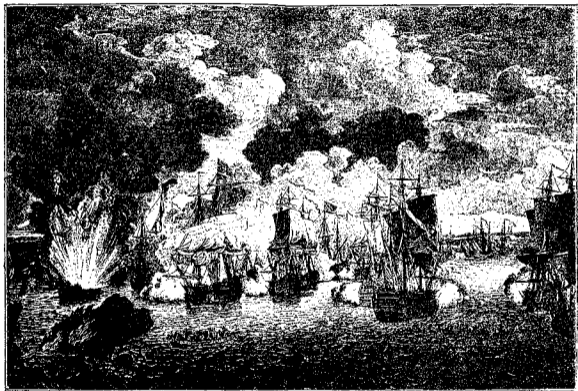
крывая широкій доступъ западно-европейскому просвѣтительному вліянію въ Родную Семью и въ народную школу, Императрица твердо шла къ разъ намѣченной цѣли: продолжать и окончить начи-

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

нанія Петра В.; быть полезной странѣ, которая стала для нея новымъ и дорогимъ отечествомъ; не отступать отъ истинныхъ и добрыхъ началъ, усвоенныхъ въ годы самообразованія и тяжелаго раздумья надъ будущимъ.

Разнообразная, непрерывная и высоко - отвѣтственная работа, 68-й годъ кипучей жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ новыя осложненія внутренней и внѣшней политики замѣтно отразились на здоровьѣ Императрицы осенью 1796 г. Возвращаясь во дворецъ

Чесменская морская победа 5 июля 1770 года.

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій.

отъ Нарышкина въ концѣ августа, Екатерина замѣтила, какъ вдругъ скатилась долго сопутствовавшая ей звѣзда, и сказала Архарову: „Вотъ вѣстница скорой смерти моей!“ — Ваше Величество всегда были чужды примѣть и предразсудковъ, — отвѣчалъ Архаровъ. — „Чувствую слабость силъ и замѣтно опускаюсь“ — возразила Государыня.

Съ каждымъ мѣсяцемъ ей становилось хуже: Императрица ходила съ трудомъ; вельможи, принимавшіе ее у себя, замѣняли ступени отлогими

Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ

подмостками. 5 ноября вечеромъ, по обыкновенію, собрался интимный кружокъ Государыни, такъ называемый „Малый Эрмитажъ“. Екатерина весело бесѣдовала съ приближенными, много разговаривала о движеніяхъ французской революціонной ар-

Графъ Кирилль Григорьевичъ Разумовскій.

ми, о кончинѣ сардинскаго короля, смѣялась шуткамъ Льва Нарышкина, который явился въ костюмѣ уличнаго торгаша и продавалъ присутствующимъ разныя бездѣлушки. На другое утро

Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій.

Императрица поднялась, какъ и всегда, рано, одѣлась, пила кофе и занялась со своими секретарями, и затѣмъ вышла изъ кабинета въ сосѣдную комнату. Замѣтивъ, что она долго оттуда не выходила, камердинеръ обезпокоился и рѣшился отворить дверь—онъ нашель Императрицу лежащей въ безчувственномъ состояніи. Черезъ нѣсколько часовъ Екатерина скончалась.

Въ одномъ изъ повѣйшихъ изданій, заключающихъ въ себѣ богатое собраніе документовъ по ис-

Александръ Васильевичъ Суворовъ.

торіи XVIII в., (Сборн. Импер. Истор. Общ. т. XXIII), напечатана „надгробная надпись“, которую какъ-то на досугъ составила сама Екатерина, кратко и мѣтко очертивъ свою жизнь и дѣятельность.

„Здѣсь лежитъ Екатерина Вторая, родившаяся въ Штетинѣ 21 апрѣля (2 мая) 1729 г. Она при-

была въ Россію въ 1744 г. Въ теченіе 18 лѣтъ скуки и уединенія она поневолѣ прочла много книгъ. Вступивъ на Россійскій престолъ, она желала добра и старалась доставить своимъ подданнымъ счастье, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни къ кому ненависти. Поощадилая, обходительная, отъ природы веселоправная, она имѣла друзей. Работа ей легко давалась, она любила искусство и быть на людяхъ“.

Скромность помѣшала ей добавить: Еще при жизни стяжала имя Великой. Отказалась принять его, предпочитая быть Матерью Отечества.

